

Бай Юй искренне считал, что всем Альфам следовало бы надевать намордники — и не только в период восприимчивости.

Потому что Альфы действительно слишком любят кусаться.

Информация, насыщенная запахом Альфы, непрерывным потоком вливалась из железа, подавляя его. Бай Юй был полностью скован, лишён возможности что-либо видеть.

Сам процесс метки казался бесконечным. В ушах стоял гул, сознание мутилось, поясница безвольно подламывалась снова и снова. Если бы не рука, удерживающая его за талию сзади, он бы уже осел на землю. Из-под ладони, закрывавшей ему рот, вырывались лишь приглушённые, сдавленные стоны.

Где-то вдалеке, в открытом саду, звучала музыка, кружились танцы, звенели бокалы — но в этом укромном углу стояла тишина, и потому его дрожащие, прерывистые вздохи звучали особенно отчётливо.

На белоснежной шее Бай Юя выступил слой горячего пота. Слабый аромат орхидеи, растворённый в этой влаге, очевидно, доставлял удовольствие тому, кто стоял позади. Он уткнулся носом в его железо и глубоко вдохнул.

Лишь когда запах Тан Сюя — того, чьи руки прежде были слишком вольны, — окончательно исчез, он убрал ладонь с губ Бай Юя. Кончики пальцев коснулись мягких губ, которых он не успел поцеловать под аркой роз, и, нарочно понизив голос, с жестокой насмешкой прошептал:

— Твой Альфа знает, что тебя пометил другой?

Если бы его руки не были стиснуты, Бай Юй уже отвесил бы ему пощёчину.

Он с трудом выровнял дыхание, затем внезапно холодно усмехнулся и отвернул голову. Лунный свет очертил его профиль — изящный, словно выточенный из льда:

— Конечно, не знает.

Ответ оказался неожиданным. Позади него на мгновение воцарилась тишина.

Бай Юй воспользовался этим, выдернул руку и развернулся. Ошейник всё ещё закрывал ему глаза, но он не стал его снимать. Вместо этого он на ощупь нашёл кадык Альфы — и отчётливо почувствовал, как под его пальцами тот резко напрягся и тяжело перекатился.

Словно ничего не заметив, Бай Юй провёл пальцами дальше — вдоль резкой линии челюсти, к лицу. Медленно, почти лениво, он коснулся подбородка, губ, высокой переносицы. Когда мягкие подушечки пальцев скользнули по коже, горячее дыхание обожгло их, и Альфа внезапно сомкнул зубы на его дерзком пальце.

Бай Юй не отдернул руку. Его голос оставался ровным и холодным:

— Похоже, ты довольно красив.

Тот тихо хмыкнул. В этом звуке слышалась заинтересованность, словно ему было любопытно, что последует дальше.

— Всё равно мой Альфа не знает, — продолжил Бай Юй, и в уголках его алых губ мелькнула тень неясной, злой насмешки. — Я разрешаю тебе стать моим тайным любовником...

...

Его подбородок резко сжали и подняли вверх. Грубый поцелуй обрушился на него, словно внезапный ливень.

Ошейник, закрывавший глаза, соскользнул вниз. Влажные ресницы Бай Юя дрогнули. Он открыл глаза — и встретился с тёмным, глубоким взглядом Альфы.

Фу Юй не отпустил его. Прищурившись, он улыбался — его голос звучал мягко и сладко, но в этой мягкости таилась опасность:

— И про кого же говорил мой старший брат?

Бай Юй поднял руку и провёл пальцами по своим губам, покрасневшим и влажным после грубого поцелуя.

— Во всяком случае, не о тебе, — спокойно ответил он.

Хотя всё началось по его собственной инициативе, и он прекрасно понимал, что Бай Юй говорит это нарочно, чтобы задеть его, глубоко укоренившаяся в Альфе одержимая жажда обладания Омегой всё равно заставила лицо Фу Юя потемнеть от крайнего недовольства.

Бай Юй не собирался разбираться с этим безумным Альфой. Метка уже была поставлена — ошейник больше не нужен. Решив, что Фу Юй, должно быть, уже достаточно выпустил своё безумие, он неторопливо снял ошейник, пропитанный собственным запахом, и небрежно сунул его в карман Фу Юя.

— Теперь можешь отпустить меня?

Но Фу Юй не только не отпустил — он ещё сильнее прижал его к себе за талию и, наклонившись к самому уху, тихо рассмеялся:

— Зачем откладывать на потом? Давай сделаем прямо здесь.

Он прижимался слишком близко — и Бай Юй мгновенно почувствовал неладное. Его лицо резко изменилось в цвете.

— Ты...

В душе Фу Юя разрасталось какое-то тёмное, извращённое желание. Он с наслаждением наблюдал, как исчезает прежнее самообладание с лица Бай Юя, и чуть приподнял бровь.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем Бай Юй закрыл глаза, подавляя вспыхнувший от унижения гнев, и холодно произнёс:

— Пусть я всего лишь игрушка, которую можно подарить кому угодно, но формально я всё ещё твой старший брат. Если нас уличат в подобной ситуации, это плохо скажется на твоей репутации и карьере, господин полковник.

Фу Юй на мгновение замер, затем пожал плечами и отпустил его, вздохнув:

— Я же сказал — просто шучу...

До всей этой путаницы с Бай Юем он никогда не имел дела с Омегами. И уж точно не ожидал, что Омеги способны так долго хранить обиду.

Но, как ни странно, это не раздражало его.

Он отпустил талию Бай Юя, но всё ещё держал его за запястье, потянул к ближайшей скамье и усадил рядом. Закинув ногу на ногу, он попытался скрыть предательские изменения в теле.

У Бай Юя не было выбора — он сел рядом. Повисло долгое молчание. Наконец он не выдержал:

— Что ещё?

Фу Юй оперся рукой о спинку скамьи, подперев подбородок, и смотрел на него с ленивой улыбкой:

— Дорогой, ты сам разжёг во мне этот огонь — и не собираешься помочь его потушить. Хотя бы посиди со мной, пока я остыну.

Он тихо пробормотал, почти себе под нос:

— Я ведь помог тебе пережить твою течку... мог бы и ты помочь мне.

Лицо Бай Юя потемнело:

— Просто у тебя проблемы с самоконтролем.

Такова была цена слишком высокой совместимости. И желания, и эмоции — всё переплеталось, цеплялось друг за друга, выходило из-под контроля. Как трясина — чем больше сопротивляешься, тем глубже увязаешь, пока выбраться становится невозможно.

Фу Юй не стал оправдываться. Он сменил позу и внезапно спросил то, что давно вертелось у него на языке:

— Брат, почему ты притворялся Альфой? Псевдо-А препараты сильно вредят организму.

Бай Юй сидел прямо, безупречно спокойно.

— Потому что мне жить надоело.

— ... — Фу Юй искренне поинтересовался: — С таким характером... ты правда способен работать на кого-то?

Бай Юй лишь слегка скривил губы, ничего не ответив.

Фу Юй ещё некоторое время смотрел на него, затем спросил:

— Ты знаком с госпожой Сингер?

Бай Юй безразлично хмыкнул в знак согласия.

Он помолчал, потом тихо добавил:

— Чем бы вы ни занимались... не сближайся с ней слишком сильно.

Бай Юй поднял на него взгляд:

— Почему?

— Сингер — одержимый контролем человек, — Фу Юй лениво подпёр щеку рукой, его закинутая нога слегка покачивалась. В этом движении вдруг мелькнуло что-то юное, почти беззаботное. Он скользнул взглядом в сторону далёкой террасы, прищурился. — Ради политической репутации он это скрывает, но на самом деле терпеть не может, когда кто-то сближается с его супругой. Он воспринимает это как посягательство на свою собственность. Неважно, Альфа это, Бета или Омега. Если проверить прошлое, станет ясно: у госпожи Сингер нет близких друзей. И все, кто пытался сблизиться с ней, плохо кончили.

Бай Юй застыл. Его брови медленно сошлись:

— Почему она не сбежит?

— Потому что не осознаёт этого, — ответил Фу Юй. — Их совместимость слишком высока. Его феромоны влияют на неё.

Лицо Бай Юя постепенно побледнело.

Да... похоже он не одинок.

Только госпожа Сингер была связана феромонами своего Альфы — настолько, что даже расстраивалась, если председатель не мог сопровождать её на приёмы. А Бай Юй был связан браслетом, который в любой момент мог взорваться и лишить его жизни. Их совместимость с Фу Юем была слишком высокой — и чем дольше они находились рядом, тем сильнее становилось влияние.

Если всё продолжится так и дальше, однажды он тоже незаметно для себя окажется под контролем. Повторит судьбу своей матери. Станет птицей в клетке Альфы.

Фу Юй вдруг осознал, что наговорил лишнего. Он украдкой взглянул на лицо Бай Юя. Его прежде расслабленная поза на мгновение застыла. Он незаметно опустил ногу, больше не позволяя себе той прежней беспечности, и как ни в чём не бывало сменил тему:

— В любом случае, держись от неё подальше... Брат, я тут подумал. Все те проблемы, что недавно случились с ювелирным домом Чэнь... это ведь твоих рук дело, верно?

Он с улыбкой протянул руку и положил её на плечо Бай Юя, наклоняясь ближе:

— Какой же ты плохой... Хочешь, я помогу раздуть этот огонь ещё сильнее?

Бай Юй несколько секунд молча смотрел на него, затем тихо отстранился назад, увеличивая расстояние между ними, которое прежде незаметно сократилось. Он поднял руку и сдвинул его ладонь — жест явного отторжения и защиты.

— Не нужно.

— Ладно, ладно, — Фу Юй уже пожалел, что сболтнул лишнее, но на лице всё ещё держалась лёгкая улыбка. — Тогда чего ты хочешь на День рождения? Альфа не может позволить себе оплошать в таких вещах.

Бай Юй поджал губы и лишь спустя некоторое время медленно произнёс:

— Я хочу отправиться в Пятую звёздную систему.

Это была родина его бабушки.

Бабушка была второй женой деда, родом из далёкой, почти забытой системы. У неё родилась только одна дочь — его мать.

В глазах жителей Центральной звезды Первой системы все, кто жил за её пределами, считались людьми второго сорта. А уж о далёкой Пятой системе говорили и вовсе с пренебрежением, как о месте ничтожном и недостойном внимания.

Сам Бай Юй бывал максимум во Второй системе — дальше председатель Бай никогда не позволял ему отправляться. Но его мать в детстве ездила туда вместе со своей матерью, навещая родственников. В её далёких воспоминаниях это место стало символом свободы, которую она так и не смогла обрести.

Когда она тяжело болела, она сожалела лишь об одном — что не сможет быть похороненной там.

Через несколько дней должна была наступить годовщина её смерти.

Голос Бай Юя оставался ровным и спокойным:

— На мне браслет. Если я попытаюсь сбежать, ты в любой момент сможешь нажать кнопку взрыва.

Ложь. Добравшись до Пятой системы, он найдёт подпольную клинику и заставит кого-нибудь отрезать ему ногу, лишь бы избавиться от этого браслета.

Фу Юй удивился. Он сказал это раньше лишь для устрашения — даже не задумываясь всерьёз. Любой здравомыслящий человек понимал бы, что он никогда не нажмёт на кнопку.

Он улыбнулся:

— Что ты такое говоришь, брат? Как я могу причинить тебе вред?

Он говорил это с привычной лёгкостью, уже собираясь, как обычно, небрежно притянуть Бай Юя к себе. Но, встретившись с его тихим, опущенным взглядом, вдруг ощутил странное

чувство — будто сейчас это будет неправильно.

Его пальцы несколько раз сжались, но он заставил себя подавить желание прикоснуться к Омеге.

Если честно, Фу Юй вовсе не хотел отпускать Бай Юя из той усадьбы.

Так же, как Сингер стремился держать под контролем свою жену, он сам хотел запереть Бай Юя в своей комнате.

Но спустя мгновение он всё же провёл языком по клыку и тихо ответил:

— Хорошо. Отправимся завтра. Подойдёт?

Бай Юй не ожидал, что всё окажется настолько просто. В его глазах мелькнул свет. Он взглянул на Фу Юя — и впервые за всё время подарил ему по-настоящему довольное выражение лица.

Он даже решил не злиться на него за конфискованные поддельные документы.

На следующее утро.

Бай Юй, которого ещё не успел толком проснуться — всё ещё в пижаме, с растрёпанными волосами — Фу Юй буквально наполовину таща, наполовину неся, затолкал на военный корабль, наконец пришёл в себя.

Он медленно повернул голову и посмотрел на Фу Юя с явным недовольством в глазах.

Фу Юй был уже полностью одет, безупречно собран, и с мягкой улыбкой произнёс:

— Как раз вовремя. Патрульный флот направляется в Пятую систему. Можем заодно взять с собой члена семьи.

Примечание:

Бай Юй: я слишком рано смягчился [ярость]

<http://bllate.org/book/14965/1502895>